

**Смысл и языковой знак
в системной теории Никласа Лумана ***

С. Т. Золян

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ И ПРАВА НАН АРМЕНИИ

Аннотация. Понятие смысла является стержнем социологической концепции Никласа Лумана. «Общество – это система, конституирующая смысл», – утверждает он в работе «Общество как социальная система» (М., 2004, с. 54). Соотнесению смысла с другими понятиями его теории социальных систем посвящены специальные разделы во всех его основных трудах. Разумеется, при этом затронута и проблематика, связанная с языком. Язык, однако, соотносится Луманом не столько с формированием смысла, сколько с коммуникацией. Понятие языкового знака как некоторой закреплённой связи между означаемым и означающим преобразуется Луманом в динамическую операцию соположения коммуникативных и когнитивных характеристик – как медиума между сознанием и коммуникацией.

Ключевые слова: Н. Луман, смысл, языковой знак, системная теория.

УДК 16; 81-13

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-34-51

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете имени Им. Канта.

Золян С. Т. Смысл и языковой знак в системной теории Никласа Лумана // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 34–51.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2020. № 2
© С. Т. Золян, 2020

Контактная информация: Золян Сурен Тигранович, профессор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград, Россия), ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Ереван, Армения, surenzolyan@gmail.com)

1. Человеческая деятельность может осуществляться, если только она имеет смысл и значение. Деятельность и действительность (а также все формы их проявления и репрезентации – культура, история, литература, искусство, политика, право и т. п.) могут быть рассмотрены как смысловые ансамбли. Вопросы смысла в той или иной форме являются объектом изучения как комплекса гуманитарного знания в целом, так и отдельных гуманитарных дисциплин. Но вместе с тем каждая из этих дисциплин подходит к проблеме смысла со своих позиций, используя собственный методологический инструментарий, который, как правило, остается без возможности приложения в смежных областях гуманитарного знания. Поэтому остается недостаточно проясненной проблема – а что же объединяет эти столь различные «смыслы смысла» или «значения значения» (в первую очередь это различие между пониманием смысла как сущности, функции, цели некоторого объекта или явления, и смыслом как семиотической характеристикой знака или текста). Более того, само наличие этой объединяющей сферы еще требует обоснования. В этом отношении чрезвычайно важным оказывается уяснение того, как можно соотносить то понимание смысла, которое используется в социологии, с тем, которое наличествует в дисциплинах, сосредоточенных на описании смысла как знакового отношения. Соответственно, возникает необходимость уяснения, в каком отношении конгруэнтны подходы, выработанные в социологии, с теми, которыми оперирует лингвистика и социальная семиотика.

2. Понятие смысла является основополагающим в социологической теории Вебера, а предмет социологии определяется им как понимание «смысла поведения»: «Следовательно, в науке, предметом которой является смысл поведения, “объяснить” означает постичь смысловую *связь*, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие» [Вебер, 1990, с. 611]. Заметим, однако, что смысл и осмысленность предстают у него как нечто данное и самоочевидное и никак не связаны с языком и языковой деятельностью (подробнее об этом см.: [Золян, 2018]).

Уже в конце XX в. понятия смысла и коммуникации становятся стержнем социологической концепции Никласа Лумана, хотя он и полемизирует с Вебером, считая невозможным выводить понятие смысла из предполагаемых намерений и действий агентов [Luhmann, 1990, p. 42], это скорее

отношение между *опытом* и *действием*. За смысл «ответственно» общество в целом: «Общество – это система, конституирующая смысл», – утверждает он [Луман, 2004, с. 54]. Поскольку понятие смысла для Лумана – одно из базовых, его соотносению с другими аспектами его теории социальных систем посвящены отдельные главы практически во всех трудах. Разумеется, при этом не могла не быть затронута и проблематика, связанная с языком. Однако язык и смысл в концепции Лумана оказываются разъединены. Семантика рассматривается как часть культуры [Луман, 2007а, с. 224–225], а не языка, а сам язык связывается Луманом не столько с формированием смысла, сколько с коммуникацией. Признавая важную роль языка в формировании смысла, Луман, тем не менее, считает, что она преувеличена. Без языка объективация опыта и осмысление мира были бы крайне примитивными [Luhmann, 1990а, р. 51]. Сама возможность лгать и отрицать демонстрирует, что благодаря языку присутствуют все возможности. Однако язык только описывает их, но не в состоянии определить *условия возможности*:

...один только язык не способен установить значение: для этого требуется, в дополнение, системы, чьи специальные структуры определяют более узкие условия возможности, т. е. дополнительные границы внутри области лингвистически возможного [Ibid., р. 52].

Как видим, Луман как философ и социолог резонно устанавливает границы между языком, с одной стороны, и опытом и деятельностью, с другой. Эта граница может быть передвинута благодаря лингвистической прагматике и модальной семантике, которые Луманом никак не учитываются, а *условия возможности* явно могут быть соотносены с концепцией понимания как знания условий истинности. Но в целом эта дискуссия не столь важна, поскольку формирование смысла подчинено собственной логике, описанной им уже в системной теории, оно основано на операции различения и не требует обращения ни к лингвистическим, ни к социологическим понятиям:

Смысл – это актуальность, окруженная возможностями. Структура смысла – это структура этого различия. Смысл – это связь между действительным и возможным, но это ни и ни другое [Luhmann, 1990, р. 52].

Не связан смысл и со знаком: знак не нуждается в смысле, он понимается как возникающее внутри системы такое отличие между означаемым и означающим, которому во «внешнем» мире может ничего не соответствовать [Ibid., р. 48]. Необычность, а временами и прямая полемичность лумановской концепции языка приводит к тому, что этот аспект остается освещенным явно недостаточно, возможно, в силу непривычности ее положений, что создает серьезные концептуальные помехи при их лингвистической интерпретации. Так, австрийский лингвист Дойчман в целом отрицает такую возможность, считая что лумановское столь широкое

понимание коммуникации, не оставляет места для его конкретизации применительно к языку или культуре [Дойчман, 2018]. Другие исследователи, обращаясь к проблеме смысла, за исключением [Zeige, 2015], также обходят стороной собственно лингвистические аспекты, притом что сам Луман довольно часто обращается к ним (из этих работ отметим: [Антоновский, 2007; Смирнов, 2011; Назарчук, 2012; Жуков, 2019, с. 82–91, Maurer, 2010; Stäheli, 2012; Tóth, 2015; Calise, 2020]).

Подобная ситуация представляется не случайной. Сам Луман, кажется, подчас сознательно воздвигал барьеры между лингвистикой и социальной теорией, выдвигая абсолютно неприемлемые для лингвиста положения. Так, для него язык не только не является коммуникативной системой (поскольку не служит коммуникации), но даже не есть система [Луман, 2004, с. 115] (подробнее об этом см. далее), что не оставляет возможности даже для полемики. Между тем, оставляя в стороне не всегда верные наблюдения Лумана относительно конкретных лингвистических явлений (например, по поводу усвоения языка или происхождения языковых форм), мы считаем, что теория Лумана создает возможность нового взгляда на такой кардинальный вопрос лингвистической теории, как функционирование языковой системы в ее связи с коммуникацией и сознанием. В частности, в данной связи мы попытаемся уяснить то, как соотносятся у Лумана понятия смысла и языкового знака. Вместе с тем, учитывая как сложность самой концепции Лумана, так и некоторую парадоксальность поставленной нами цели (как бы «навязать» Луману такую лингвистическую концепцию, в которой язык и смысл могли быть связаны, от чего сам Луман не раз отказывался, а если и принимал, то применительно к ограниченным случаям), высказанное нами нуждается в многочисленных уточнениях и имеет целью стимулировать возможную дальнейшую дискуссию. Так, дискуссионным может считаться уже сам вопрос о возможности совместить характеристики смысла в социальных и семиотических системах, равно как и применительно к вербальным конструкциям и поведенческим моделям, – насколько можно судить, эта возможность Луманом не рассматривается. В целом Луман крайне скептичен относительно эффективности междисциплинарного подхода, он считает его скорее рекомбинацией известного, нежели созданием нового:

Классики есть классики, потому что они классики; они удостоверяют себя в сегодняшнем употреблении посредством самореференции. В таком случае ориентация на великие имена и специализация на таковых могут выдаваться за теоретическое исследование. На более абстрактном уровне отсюда возникают такие «синдромы теории», как теория действия, теория систем, интеракционизм, теория коммуникации, структурализм, диалектический материализм, – вот краткие формулы для комплексов имен и идей. Тогда новое можно ожидать от комбинаций... Теория действия реконструируется в качестве теории структуры, теория структуры – в качестве теории

языка, теория языка – как теория текста, теория текста – в качестве теории действия [Луман, 2007а, с. 16].

Между тем столь иронично изложенная программа соположения теории языка, текста, структуры и действия представляется нам весьма перспективной для интегрированного описания вербального и невербального поведения, позволяющего совместить, с одной стороны, акциональную семантику вербальных структур, а с другой – семиотические репрезентации невербальных поведенческих актов. В самом деле, возникает некоторое подобие ленты Мёбиуса. Начало этой ленты есть действие, которое, пройдя через этапы структурирования, вербализации и текстуализации (нарративизации), вновь генерирует действие, которое, пройдя через соответствующие этапы, породит новое действие, и т. д. Очевидно, что понятие смысла должно послужить тем «золотым эталоном», благодаря которому может быть обеспечена конвертация действия в структуру, речевой акт, текст и новое действие. Но для этого в гуманитарных науках должны быть выработаны сопоставимые понятия и процедуры описания этих пусть разнородных, но перетекающих друг в друга и взаимомотивирующих смысловых комплексов. Однако Луман, как видим, не только проходит мимо этой возможности, но и пародирует ее, видимо, считая такой подход очевидным, если не тривиальным. Это может, по крайней мере, стать предметом дискуссии.

3. Осознавая самостоятельную ценность рассмотрения языка и вместе с тем и масштабность проблемы, сам Луман предпочел обозначить кардинальное отличие своего понимания языка от господствующих в лингвистике представлений:

Применительно к теории системы общества было бы нецелесообразно совершать гигантский экскурс ради разработки теории языка и теории схематизмов, основывающихся на этой функции структурного сопряжения. Мы лишь укажем на то, что наш подход противоречит основным предпосылкам лингвистики де Соссюра: мы утверждаем, что языку не присущ никакой собственный тип оперирования; что он должен осуществляться либо как мышление, либо как коммуникация; что язык, следовательно, не является настоящей системой. Он был и остается зависимым от того, что системы сознания, с одной стороны, и система коммуникации общества, с другой стороны, продолжают свой собственный аутопойезис в виде совершенно закрытых операций. Если бы этого не происходило, то всякая речь тотчас бы прекратилась, а вскоре после этого исчезла бы и возможность мыслить в форме языка [Луман, 2004, с. 115].

В силу подобной установки смысл и язык в теории Лумана парадоксальным образом выступают раздельно: языковые и знаковые системы не являются определяющими для порождения смысла. Таковыми для Лумана являются широко понимаемые понятия *коммуникация* и *сознание*, необхо-

димым условием и результатом их деятельности и организации является смыслопорождение, а смысл рождается «как бы сам собой»:

Смысл – в качестве универсального медиума всех психических и социальных систем, а также всех систем, оперирующих в виде сознания или в виде коммуникации, – регенерирует вместе с аутопойезисом этих систем без напряжения и как бы сам собой [Там же, с. 27].

В качестве основы для теории смысла Лумана выступают положения, выработанные в несколько иных областях знания, чем лингвистика и семиотика, – это феноменология Гуссерля, а также, возможно, и «кибернетика второго уровня» австрийского математика Хайнца Ферстера (Heinz von Foerster) (ср.: [Toth, 2015]). В качестве модели смыслопорождения Луман приводит математическую теорию форм Спенсера Брауна, почему и смысл оказывается лишен какой-либо семантической содержательности и объектности (равно как и субъектности и интенциональности):

Восприятие смысла как универсального медиума заведомо исключает какое-либо содержание, смысл есть форма, структура, операция. Таким образом, смысл является всеобщей формой самореферентной установки на комплексность, которую невозможно охарактеризовать через какое-либо определенное содержание (исключая при этом другое). Обозначенную тем самым структуру в более ранних общественных системах понимали иначе, последствия чего ощутимы вплоть до сегодняшней дискуссии о понятии смысла [Луман, 2007а, с. 110].

Общество рассматривается как система, конституирующая смыслы, которые могут иметь любое предметное содержание:

На методологическом уровне такое понятие смысла исключает тезис об особой методологии в отношении смысловых предметных содержаний. Для систем, конституирующих смысл, все имеет смысл; *для них* нет бессмысленных предметов. Законы Ньютона и Лиссабонское землетрясение, движения планет и ошибки астрологов, морозоустойчивость плодовых деревьев и требования фермеров о компенсации убытков – все имеет смысл. Лишь в сфере смысла, т. е. в мире, системы, конституирующие смысл, способны различать, имеют они дело с системами, для которых справедливо то же самое, либо с системами, реагирующими на себя и свой окружающий мир «бессмысленно». Таким образом, прежде всего нет оснований требовать для смысловых предметов особой методологии. Лишь в осмысленно организованном мире социальное измерение *всякого* смысла направляет внимание на то, что *некоторые другие* системы обладают осмысленным переживанием, а некоторые – нет [Там же, с. 101].

Остается открытым вопрос: как и кем эти смыслы порождаются, до того как быть конституированными? Хотя в томе «Самоописания» Луман приводит конкретные примеры смыслопорождения, но в теоретической части смысл предстает как аутопоэтическая система, воспроизводящая новые смыслы для своего функционирования:

Системы, связанные со смыслом, не могут переживать и действовать без смысла. Они не могут подрывать указания от смысла к смыслу, откуда они сами вытекают неисключаемым образом. В самореферентно-смысловой организации мира существует возможность отрицания, но она может быть использована, со своей стороны, лишь осмысленно. Отрицания также обладают смыслом, лишь поэтому они являются присоединимыми. Таким образом, всякая попытка отрицания смысла вообще вновь предполагала бы смысл, должна была бы совершаться в мире. Следовательно, смысл является неотрицаемой категорией, не содержащей различий. Ее уничтожение было бы в самом строгом смысле слова «аннигиляцией» – делом рук внешней инстанции, которую невозможно помыслить [Там же].

Бессмысленность, по Луману, как это было отмечено выше, есть некоторое состояние системы, при котором различаются нечто, принадлежащее системе, от того, что из нее исключается. Тем не менее остается маленькая лазейка и для бессмысленности. Подход Лумана и здесь полемичен и парадоксален: любая совокупность объектов обладает смыслом, но не любая последовательность знаков будет осмысленной.

Поэтому «бессмысленность» никогда не может быть получена через отрицание осмысленности. Бессмысленность есть особый феномен, вообще возможный лишь среди знаков и заключающийся в их беспорядке. Беспорядок же объектов никогда не бывает бессмысленным. Например, груда развалин тотчас узнается как таковая; и чаще всего сразу видно, что она возникла из-за древности, землетрясения или «вражеских действий» [Луман, 2007а, с. 102].

Это, вероятно, следует понимать так. Недолжное (*беспорядочное* – видимо, нарушающее нормы синтаксиса данной знаковой системы) употребление знаков может вызвать эффект бессмыслицы. Например, произвольная последовательность букв, слов или предложений смысла содержать не может. Между тем сами объекты (референты знаков) в любой комбинации есть результат некоторого предшествующего состояния или действия (как в приводимом примере), что и придает осмысленность этой комбинации. Как можно понять из сказанного, груда развалин приобретает смысл, будучи связана каузальным отношением – как и почему она возникла. Можно предложить и эстетическую форму осмысления – например, на фоне ландшафта, или же метафорическую – груда развалин как свидетельство бренности сущего. Хотим заметить, что при всех подобных интерпретациях «груда камней» заменяется некоторыми знаками, которые и придают осмысленность увиденному. Что же касается «беспорядка» знаков, то, видимо, Луман имеет в виду некоторый синтаксически не упорядоченный набор знаков. На первый взгляд можно возразить, приведя в пример многочисленные тексты, состоящие из разбросанных на листе бумаги в беспорядке слов, или же тексты, похожие на стихи на карточках Рубинштейна (это были в случайном порядке вытаскиваемые случайным образом составленные предложения). Однако именно эти примеры показывают

правильность наблюдения Лумана: в этих отклоняющихся случаях знаки функционируют именно как некие объекты, вещи, и операции с ними осуществляются именно как операции с вещами.

Это сделанное, казалось бы, мимоходом замечание опирается на фундаментальную, по Луману, характеристику смысла, которая одновременно есть и характеристика мира:

Закрытость самореферентного порядка отождествляется здесь с *бесконечной открытостью мира*. Последняя конституируется и непрерывно ре-актуализируется именно благодаря самореферентности смысла. Смысл вновь и вновь указывает на смысл и никогда не отсылает за пределы осмысленного [Там же, с. 101].

Как видим, в отличие от казалось бы очевидного отношения между осмысленным и бессмысленным как результата внесения некоторого смысла в то, что само по себе смыслом не обладает, Луман придерживается противоположного подхода: бессмысленность не предшествует смыслу, а последует ему, это есть результат некоторой вторичной операции (расширения) того, что уже обладает смыслом:.

...«бесмыслица» может мыслиться и коммуницироваться лишь в медиуме смысла, лишь как форма смысла. Всякое исключение потенциализирует и тем самым сохраняет то, что оно эксплицитно отрицает [Луман, 2004, с. 50].

Эту проблему можно проследить на примере опытов «искусства поп-сенса». Производство бессмысленного возможно лишь в том случае, если мы образуем более узкое понятие осмысленного (к примеру, повседневно-обыденного или ожидаемого), а затем отличим от него бессмысленное. Аналогично происходит и тогда, когда мы с большим напряжением пытаемся произвести нечто особенно «осмысленное», а затем, возможно, начинаем ощущать бессмысленность всех этих усилий. Во всеобщий, не подающийся отрицанию медиум смысла можно, таким образом, вносить вторичные разметки позитивного / негативного; это, однако, неизбежно влечет за собой то, что подобное различие – как различие – в свою очередь, имеет смысл и воспроизводит его [Там же].

Что касается возможности осмысленности отрицания, то это положение, которое достаточно проблематично в теориях, основывающихся на корреспондентном понимании истинности (начиная с «Трактата» Витгенштейна), в концепции Лумана является одним из фундирующих и определяющих. Внутреннее развитие знаковых форм, как и всех других коммуникативных медиумов, Луман связывает с возможностью их обособления (дифференциации) от мира, почему и важнейшей особенностью языка оказывается возможность порождать отрицательные суждения – о несуществовании тех или иных положений дел:

Как известно, у отрицания нет коррелята во внешнем мире. Оно возникло исключительно для внутреннего употребления. И тем более это верно по отношению к языковому коду [Луман, 2005а, с. 59].

В самом деле, какое состояние дел соответствует предложению «На этом коврике нет кошки» или «Флогистон не существует»? Кроме того, что эти высказывания, если они истинны, свидетельствуют о ложности антонимичных им, и наоборот. Тем самым, взятые сами по себе, они не имеют какого-либо иного смысла, кроме некоторого лингвистического отношения между синтаксическими формами отрицания и утверждения, или, опускаясь на уровень семантического синтаксиса, между соответствующими трансформами некоторой глубинной структуры.

4. Хотя понятие смысла рассматривается Луманом как универсальный медиум и не нуждается в знаковой форме, тем не менее в процессе коммуникации возникает необходимость его знаковой манифестации. Но и в этом случае смыслы рассматриваются не как порождение некоторой абстрактной системы, а как аутопойезис сознания:

В переводе на язык наших понятий «выражение» означает не что иное, как аутопойезис сознания, а «смысл» или «значение» – необходимость приобретения структуры для этого в форме интенционального отношения к чему-либо. Согласно этому, существуют знаки с выразительной ценностью и знаки без таковой, бывают выражения с использованием знаков и без такового (последнее в случае просто-напросто «одиноким душевной жизни», внутренней речи). *Лишь в случае коммуникации то и другое с необходимостью совпадают* [Луман, 2007а, с. 202].

В противоположность существующей традиции понятие смысла у Лумана не выводится из знака, напротив, скорее знак возникает из уже порожденного смысла:

Мы не можем разрабатывать здесь следствия для понятия и теории языка. Понятие символической генерализации самоотнесения смысла заменяет понятие знака, до сих пор господствующего в теоретической традиции. Бесспорно, что слова (как и вещи) могут использоваться как знаки, т. е. как ссылка на нечто, существующее независимо от языка. Однако сам язык не следует понимать как голое сшивание знаков, так как он ни в коем случае не обладает (даже преимущественно) лишь функцией указания на нечто существующее. Язык также не есть лишь средство коммуникации, так как он функционирует в психических системах и без коммуникации. Его подлинная функция заключается в генерализации смысла с помощью символов, которые – в отличие от обозначения *чего-либо иного* – *сами являются* тем, что они обеспечивают. Лишь в функции посредника¹ коммуникации,

¹ В других русских переводах используется термин «медиум», что нам представляется предпочтительнее ввиду его более широкого значения: «медиум» у Лу-

что с эволюционной точки зрения, видимо, есть его изначальная функция, язык связан с кодированием, т. е. с акустическими либо оптическими знаками для смысла [Там же, с. 140].

Итак, как можно понять из вышеприведенного, генерализация смыслов посредством символов – вот основная функция языка. В процессе смыслопорождения языку принадлежит важная функция, хотя ее вряд ли можно считать определяющей: это обеспечение рекурсивности при осуществлении бесконечно разнообразных операций (само-) наблюдения и (само-) описания. Это становится возможным, поскольку удостоверяющие рекурсивность слова языка могут считаться идентичными:

В той мере, в какой рекурсии указывают на прошлое (на удостоверенный, известный смысл), они указывают лишь на случайные операции, результатами которых можно распоряжаться лишь в момент операции наблюдения, но не на фундирующие истоки. В той мере, в какой рекурсии указывают на будущее, они указывают на бесконечно разнообразные возможности наблюдения, а значит, на мир как виртуальную реальность, относительно которой еще нет совершенно никаких сведений, будет ли она когда-либо вводиться в системы (и в какие?) посредством операций наблюдения. Поэтому смысл – это исключительно историческая форма операций, и лишь ее применение связывает в единый узел случайное возникновение и неопределенность будущих применений. Этот медиум должен использоваться во всех констатациях, и все, что входит в этот медиум, не имеет никакой иной причины, кроме своей рекурсивно удостоверенной фактичности. В коммуникативном порождении смысла эта рекурсивность обеспечивается, прежде всего благодаря словам языка, которые в некотором множестве ситуаций могут использоваться как одни и те же [Луман, 2004, с. 48].

Итак, слова языка – это скорее пунктиры, позволяющие удостоверять рекурсивность различных вхождений смысла. При этом знаки (стало быть, и слова) вследствие исходной асимметрии означаемого и означающего наделены смыслом, но сам смысл – вновь противоречия лингвистической очевидности – не может быть знаком:

Отношение к миру, внутренне присущее всякому смыслу, исключает определение нами смысла как знака. Следует четко различать структуру указаний и знаковую структуру. Функция знака всегда требует указания на нечто определенное при исключении самореференции. Она требует асимметризации базальной, рекурсивной самореференции. Иначе говоря, не существует ни знака мира, ни знака, обозначающего себя. Однако то и другое, универсальность и самореференция, есть обязательные свойства смысла. Поэтому смысл является основополагающим предметным содержанием: чтобы выполнять свою функцию, знак должен иметь смысл, но смысл не есть знак. Смысл образует контекст любого обозначения, *conditio sine qua*

мана – это и посредник, и канал, и структура для организуемой при ее посредстве формы.

поп его асимметризации, однако в качестве знака смысл понимался бы лишь как знак самого себя, т. е. как знак неисполнения функции знака [Луман, 2007а, с. 111].

Само понятие языкового знака как некоторой закрепленной связи между означаемым и означающим преобразуется Луманом в динамическую операцию соположения коммуникативных и когнитивных характеристик:

В качестве сопряжения систем сознания и систем коммуникации символ означает лишь наличие дифференции, которая, будучи рассмотренной с обеих сторон, может пониматься как тождественная. В этом смысле символическое использование языковых обобщений (= воспроизводимых способов употреблений) предполагает знаковый характер языка, что означает: способность отличать означающее (слова) от означаемого (вещи) в сознании и в коммуникации [Луман, 2004, с. 116].

Как видим, Луман придерживается до-фрегеанского понимания семантики словесного знака: у него отсутствует дихотомия смысла и значения, (Sinn vs Bedeuntang), – означаемым знака у Лумана именуется не смысл (Sinn), а вещь, т. е. значение, референт, денотат, экстенционал (это разные переводы фрегеанского термина *Bedeuntang*). Впрочем, уже само рассмотрение смысла как каким-либо образом связанного со знаковым отношением для Лумана не характерно. Он даже проходит мимо соссюрковского разграничения между значением и значимостью знака (внесистемным и внутрисистемным отношениями знака)². Точнее, он трактует его на свой лад:

Знаки также являются формами, т. е. маркированными различиями. Согласно Соссюру, *означающее* (signifiant) следует отличать от *означаемого* (signifié), в форме знака, т. е. в отношении означающего к означаемому, выражена референтность: означающее означает означаемое. Сама же форма (и только ее следует называть *знаком*), напротив, не имеет никакого референта; она функционирует лишь как различие и лишь тогда, когда она фактически используется в этом качестве [Луман, 2005б, с. 224].

Понятие знака преобразует в понятие *формы*, или *знаковой формы*: это чисто реляционный конструкт, определяемый *жестким сцеплением* эле-

² Ср.: «Если пользоваться языком, то не обойтись без знаков, которые, как учит Соссюр, не открывают нам доступа к вещам, но только выражают существующие между собой различия» [Луман, 2007в]. Это верно только относительно понятия значимости знака и не учитывает такую важнейшую, по Соссюру, характеристику, как его произвольность. Логично, что Луман приходит к отрицанию понятия произвольности [Luhmann, 1999, p. 54; Луман, 2011, с. 243]. Подробнее о нелинейном преломлении идей Соссюра в системной теории Лумана и их возможном «возвращении» в семиотику и лингвистику см.: *Золян С. Т.* Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неструктуралистского подхода // Вопросы языкознания (планируется к публикации в 2021 г.).

ментов, в отличие от *мягкого сцепления* этих же элементов, которые образуют *медиум*. Луман приспособливает к своей концепции и определение *интерпретанта* Пирса:

Интерпретант определяет себя на основе идентифицирующей функции означающего путем интерпретации этой функции как отношения (или репрезентации) означающего к означаемому. Интерпретант есть репрезентация репрезентации. По Пирсу, интерпретант есть как смысл знака, так и, следовательно, его прагматическая референция в динамическом контексте [Luhmann, 1999, p. 51].

Тем самым понятия смысла и знака как разграничения означаемого и означающего оказываются у Лумана понятиями не только различными, но и разнопорядковыми.

Смысл для него есть операция и продукт операции, почему и не есть свойство какого-либо объекта (знака):

Смысл существует исключительно как смысл использующих его операций, а значит, лишь в тот момент, когда он этими операциями определяется, – не раньше и не позже. Поэтому смысл – это *продукт* операций, использующих смысл, а не какое-то свойство мира, обязанное своим происхождением какому-либо творению, учреждению или источнику [Луман, 2004, с. 46].

Подобное операциональное понимание смысла принципиально отличается от сосюрловской значимости – как совокупности отношений, в которые вступает знак внутри системы, которое с синхронной точки зрения является постоянной и контекстно независимой величиной. Соответственно, вне какого-либо операционального смысла-контекста знаки не в состоянии его породить³, почему и вполне логично выглядит то, что с употреблением *знаков как таковых* Луман связывает не смысл, а его отсутствие (см. выше: *в качестве знака смысл понимался бы лишь как знак самого себя, т. е. как знак неисполнения функции знака*).

Своеобразие лумановского подхода к языковому знаку можно объяснить также и тем, что для него смысловой единицей оказывается предложение – до-предложенческий уровень языка есть тот медиум или форма, которая служит для более сложно организованных форм – предложений:

При помощи того, что уже является формой, – собственно, при помощи слов языка, может быть образован новый медиальный субстрат: весьма об-

³ Ср.: «Ни смысл как таковой не является знаком, ни знаковая техника языка не объясняет, какой отбор знаков будет успешен в процессе коммуникации» [Луман, 2007а, с. 222]. «Смысл может быть понят лишь в контексте, а в качестве такового для каждого работает прежде всего то, что дают восприятие и память. Кроме того... понимание всегда включает в себя и непонимание, и эта составляющая, если нет возможности опереться на специальные условия, становится столь высокой, что продолжение коммуникации делается невероятным» [Там же, с. 219].

ширное, связанное только свободным образом множество таких слов, которые затем, в свою очередь, объединяются в жестко связанные формы, собственно – в предложения, причем во всех связываниях медиальный субстрат не расходуется, но через само словоупотребление всякий раз возобновляется. Таким образом, каждое предложение состоит из многократно произвольно употребляемых компонентов, причем в текущем процессе образования предложений словарный состав языка регенерируется, смысл слов сгущается, но вместе с тем более не употребляемые слова приносятся забвению. В рекурсивной сети языковой коммуникации способностью подсоединения обладают лишь предложения: они могут предвосхищаться в виде смутной словесной структуры и вспоминаться в виде фиксированного смысла. Они могут цитироваться, перетолковываться, подтверждаться или опровергаться; и они транспортируют в этом смысле аутопойезис системы через сцепливание / расцепливание словарного состава. Они образуют эмерджентный уровень коммуникативного конструирования смысла, и эта эмерджентность есть не что иное, как аутопойезис языковой коммуникации, творящей для себя собственный медиальный субстрат [Луман, 2004, с. 39].

Безусловно, здесь Луман повторяет хорошо известное положение функциональной системной лингвистики: единицей коммуникации является предложение (а точнее, следуя уже Дж. Серлю, – речевой акт). Можно продолжить, следуя логике функциональной лингвистики Майкла Хэллидея⁴: сами «подсоединяемые» предложения в своей совокупности образуют «медиальный субстрат» для такой структуры, как текст, и только с текстом может быть связано смыслопорождение: «эмерджентность и аутопойезис языковой коммуникации». Правда, сам Луман, говоря о языковых структурах, ограничивается уровнем предложения. Думаем, целесообразно, тем более что именно с текстом (правда, понимаемым скорее метафорически), связывает Луман создание смысла:

Если мы переживаем мир в смысловом плане... то мы переживаем его как «текст», и тогда смысл имеет нечто общее с «интерпретацией», с тем что мы сами создаем смысл, отталкиваясь от какого-то смысла. При этом текст – это необязательно книга. Можно мыслить мир как текст и в этом

⁴ Ср.: “Obviously one cannot quarrel with the use of the term “text” to refer to a string of sentences, that realize a text, but it is important to stress that the sentences are, in fact, the realization of text rather than constituting the text itself <...>. In its most general significance, a text is a sociological event, a semiotic encounter through which the meanings that constitute the social system are exchanged. The individual member is, by virtue of his membership, a ‘meaner’, one who means. By this act of meaning, and those of other individual meaners, the social reality is created, maintained in good order, and continuously shaped and modified <...>. Text is the primary channel for transmission of culture, and it is this aspect – text as the semantic process of social dynamics – that more than anything else shaped the semantic system” [Halliday, 1978, p. 135, 139, 141].

случае говорить, что герменевтики интерпретируют мир [Луман, 2007б, с. 244].

Знаковый характер коммуникации и роль языковых структур как посредника между сознанием и коммуникацией приводит к воссозданию «реальной реальности» только при условии, когда можно установить дифференциацию между ней и семиотической реальностью:

Через это возникает новая, эмерджентная дифференциация, а именно дифференциация реальной реальности и семиотической реальности (вместо семиотической реальности мы также могли бы говорить о воображаемой, воображающей, конструирующей и т. д. реальности). И лишь тогда и вообще может возникнуть реальный мир, поскольку лишь тогда может получить обозначение как реальность, то есть быть отличена. Однако это вовсе не значит, что реальность – лишь фикция и что она, как некогда полагали, «не существует в действительности». Но это значит, что разграничение реальной реальности и семиотической реальности как раз необходимо ввести в мир, чтобы нечто – будь это даже и сама семиотическая реальность – могло быть обозначено как реальное [Луман, 2005б, с. 38].

Как видим, и здесь Луман, с одной стороны, воспроизводит достаточно известное разграничение двух типов реальности – «реальной» и «семиотической». Однако, с другой – он дает этой дихотомии совершенно новое обоснование: они отличны не потому, что семиотическая реальность есть либо воспроизведение «реальной», либо полный «отрыв» от нее. В первом случае семиотическая реальность не будет представлять самостоятельной ценности, она есть лишь воспроизведение в знаковой форме «настоящей», и ее ценность будет именно в том, чтобы не отличаться от реальной (как в наивных представлениях о «реализме»). Во втором случае, являясь самостоятельной сферой, семиотическая реальность живет самостоятельной жизнью и в соотношении с «реальной» не нуждается. Между тем, по Луману, удвоение реальностей основано не на воспроизведении, а на *отличении*, поэтому они и не могут быть обособлены друг от друга. Их соположение и отличие создает смысловое напряжение. Примечательно также, что у Лумана семиотической противостоит не физическая или материальная, а нечто тавтологическое – *реальная реальность*, своего рода *масло масляное*. «Реальность» не задается, а создается путем разграничения, результат этой операции становится реальным, независимо от того, воплощен он в символической или материальной субстанции. Означаемое знака так же реально, как и означающее, и оба они продолжают быть реальными, пока существует знак – отношение (или операция) их соположения и различения.

Список литературы

Антоновский А. Ю. Вместо заключения: смысл как коннективный механизм в языке, сознании и коммуникации // Антоновский А. Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., 2007. С. 95–122.

Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 602–643.

Дойчман П. «Коммуникация», «культура» и «общество» в теории систем Никласа Лумана // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: Сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Н. Г. Брагина, А. Г. Жукова. М.: ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 87–89.

Жуков Л. Б. Философская схема Лумана: Опыт философской интерпретации общей теории систем Никласа Лумана. М.: URSS, 2019. 248 с.

Золян С. Т. К проблеме смысла в социальной семиотике: Макс Вебер сегодня // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 4. С. 27–42.

Луман Н. Л. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.

Луман Н. Эволюция / Пер. с нем. А. Антоновского М.: Логос, 2005а. 256 с.

Луман Н. Медиа коммуникации / Пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. М.: Логос, 2005б. 280 с.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Под ред. Н. А. Головина; пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007а. 641 с.

Луман Н. Введение в системную теорию / Под ред. Д. Беккера; пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Логос, 2007б. 359 с.

Луман Н. Что происходит и что за этим кроется? Две социологии и теория общества // Социологическое обозрение. 2007в. Т. 6, № 3. С. 100–117.

Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Весь мир, 2012. 248 с.

Смирнов Г. П. Трансляция смысла в социальной коммуникации: критический анализ теории Н. Лумана // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Серия 12. 2011. Вып. 2. С. 293–299.

Calise S. G. Language and Systems Theory: Critical Remarks on the Luhmannian Conception // Sociology. 2020. Vol. 3, no. 52. P. 207–221.

Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. Baltimore, University Park Press, 1978, 256 p.

Luhmann N. Meaning as Sociology's Basic Concept // Essays on Self-Reference. New York: Columbia University Press, 1990. P. 21–79.

Luhmann N. Sign as Form // Problems of Form / Ed. by D. Baecker. Stanford, Stanford University Press, 1999. P. 46–63.

Maurer K. Communication and Language in Niklas Luhmann's Systems-Theory // *Pandaemonium germanicum*. 2010. Vol. 16, no. 2. P. 1–21.

Stäheli U. The Hegemony of Meaning: Is There an Exit to Meaning in Niklas Luhmann's Systems Theory? // *Revue internationale de philosophie*. 2012. No. 1 (259). P. 105–122.

Tóth B. The Term 'Sense' in Niklas Luhmann's Theory // *Belvedere Meridionale*. 2015. Vol. 27, no. 1. P. 126–133.

Zeige L. E. From Saussure to sociology and back to linguistics: Niklas Luhmann's reception of *significant / signifié* and *langue / parole* as the basis for a model of language change // *Semiotica*. 2015. Iss. 207. P. 327–368.

Article metadata

Title: Meaning and Linguistic Sign in System Theory of Niklas Luhmann

Author: S. T. Zolyan

Author's e-mail: surenzolyan@gmail.com

Author's affiliation: Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation); Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences (Yerevan, Armenia)

Abstract. The concept of meaning and communication is the core of the sociological conception of Niklas Luhmann. As he claims, "Meaning is co-present as a reference to the world in everything that is actualized... Society is a meaning constituting system" (*Luhmann Niklas*. Theory of Society. Stanford University Press, 2012, vol. 1). He considers the issue of a correlation of meaning with other concepts of his theory of social in almost all of his works. Obviously, on this occasion the linguistic issues also became matters of consideration. Language, however, is associated by Luhmann not so much with the production of meaning as with communication. The concept of a linguistic sign as some fixed connection between the signified and the signifier is transformed by Luhmann into a dynamic operation of juxtaposing communicative and cognitive characteristics, as a medium between cognition and communication.

Key terms: Luhmann, meaning, linguistic sign, system theory.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-34-51

Reference literature (in transliteration):

Antonovskiy A. Y. Vmesto zaklyucheniya: smysl kak konnektivnyy mekhanizm v yazyke, soznanii i kommunikatsii [Instead of a conclusion: meaning as a connective mechanism in language, consciousness and communication]. In: Antonovsky A. Yu. Niklas Luhmann: epistemologicheskoye vvedeniye v teoriyu sotsial'nykh sistem [Niklas Luman: epistemological introduction to the theory of social systems]. Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. Moscow, 2007, p. 95–122. (in Russ.)

Calise S. G. Language and Systems Theory: Critical Remarks on the Luhmannian Conception. *Sociology*, 2020, vol. 3, no. 52, p. 207–221.

Deutschman P. «Kommunikatsiya», «kul'tura» i «obshchestvo» v teorii sistem Niklasa Lumana [“Communication”, “Culture” and “Society” in the Theory of Niklas Luman Systems]. In: *Persekaya granitsy: mezhkul'turnaya kommunikatsiya v global'nom kontekste* [Crossing Borders: Intercultural Communication in a Global Context]. Eds. N. G. Bragina, A. G. Zhukova. Moscow, IRL Publ., 2018, p. 87–89. (in Russ.)

Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. Baltimore, University Park Press, 1978, 256 p.

Luhmann N. Meaning as Sociology's Basic Concept. In: *Essays on Self-Reference*. New York, Columbia University Press, 1990, p. 21–79.

Luhmann N. Sign as Form. In: Baecker D. (ed.). *Problems of Form*. Stanford, Stanford University Press, 1999, p. 46–63.

Luhmann N. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema [Society as a social system]. Trans. by A. Antonovskiy. Moscow, Logos, 2004, 232 p. (in Russ.)

Luhmann N. Media kommunikatsii [Media Communication]. Trans. by A. Glukhov, O. Nikiforov. Moscow, Logos, 2005, 280 p. (in Russ.)

Luhmann N. Evolyutsiya [Evolution]. Trans. by A. Antonovskiy. Moscow, Logos, 2005, 256 p. (in Russ.)

Luhmann N. Chto proiskhodit i chto za etim kroyetsya? Dve sotsiologii i teoriya obshchestva [What is happening and what is behind it? Two sociologies and the theory of society]. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 2007, vol. 6, no. 3, p. 100–117. (in Russ.)

Luhmann N. Sotsial'nyye sistemy. Ocherk obshchey teorii [Social systems. Essay on the General Theory]. Ed. by N. A. Golovin; trans. by I. D. Gaziev. St. Petersburg, Nauka, 2007, 641 p. (in Russ.)

Luhmann N. Vvedeniye v sistemnyuyu teoriyu [Introduction to Systems Theory]. Ed. by D. Becker; trans. by K. Timofeyeva. Moscow, Logos, 2007, 359 p. (in Russ.)

Maurer K. Communication and Language in Niklas Luhmann's Systems-Theory. *Pandaemonium germanicum*, 2010, vol. 16, no. 2, p. 1–21.

Nazarchuk A. V. Ucheniye Niklasa Lumana o kommunikatsii [Niklas Luhmann's Teachings on Communication]. Moscow, Ves' mir Publ., 2012, 248 p. (in Russ.)

Smirnov G. P. Translyatsiya smysla v sotsial'noy kommunikatsii: kriticheskiy analiz teorii N. Lumana [Translation of meaning in social communication: a critical analysis of N. Luhmann's theory]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12*, 2011, no. 2, p. 293–299. (in Russ.)

Stäheli U. The Hegemony of Meaning: Is There an Exit to Meaning in Niklas Luhmann's Systems Theory? *Revue internationale de philosophie*, 2012, no. 1 (259), p. 105–122.

Tóth B. The Term 'Sense' in Niklas Luhmann's Theory. *Belvedere Meridionale*, 2015, vol. 27, no. 1, p. 126–133.

Weber M. Osnovnyye sotsiologicheskiye ponyatiya [Basic sociological concepts]. In: Weber M. Izbr. proizvedeniya [Selected works]. Moscow, 1990, p. 602–643. (in Russ.)

Zeige L. E. From Saussure to sociology and back to linguistics: Niklas Luhmann's reception of *significant / signifié* and *langue / parole* as the basis for a model of language change. *Semiotica*, 2015, iss. 207, p. 327–368.

Zhukov L. B. Filosofskaya skhema Lumana: Opyt filosofskoy interpretatsii obshchey teorii sistem Niklasa Lumana [The philosophical scheme of Luhmann: The experience of philosophical interpretation of the general theory of systems of Niklas Luman]. Moscow, URSS, 2019, 248 (in Russ.)

Zolyan S. T. K probleme smysla v sotsial'noy semiotike: Maks Veber segodnya [On the problem of meaning in social semiotics: Max Weber today]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent*, 2018, vol. 9, no. 4, p. 27–42. (in Russ.)